

ловят. Он же, их призвав к себе и просил, чтоб они ево отвезли на остров тот. Токмо ему жаль той девицы оставить, || и приговорил их, л. 11 чтоб чрез три дни тут были, и обещаваая им дать казны довольно. Они ж ему слово дали правдивсе, что быть. И от них возвратися в дом. И немного помедля, приехали разбойники з добычи и много казны привезоша с собою. И тако ему кланяхуся и благодаряше, что им щастие в добычи получилось, казну свою всю склали и начаша веселитися и кушать. По обеде наклаша великое блюдо всяких еств и глаголаше: „Господин атаман, изволь с нами итьтить, и покажем тебе некоторую вещь“. Тогда атаман с ними пошол. И приведоша в ускор двора ко омшанику и повелели атаману двери отпереть. И как дверь отперли, тогда вси глаголаше: „Изволь, господин атаман, оной девице сие кушанье подать“. Он же отвратился от нея, яко будто не любя женскаго взору, подаде ей. Тогда разбойники рекоша между себя: „Видеста ли, яко атаман наш не любит женскаго взору, не как первый бывший атаман, видение на нее распространяше. Сей наш атаман верен во в[сем]“. || Потом двери у того амшаника попережнему замкнуша и л. 11 об. пришедше нача веселитися. Потом Василей атаман рече разбойникам: „Молодцы удалые, послушайте меня, извольте казну свою в разные сумы класть, понеже как жалование вам давать, так и с той сумы будет отправлять, понеже у вас без разбору злато и серебро и драгие камене смешано“. Тогда то слово всем полюбилося и начаша отправляти и раскладоша по разным сумам. Також велел приготовить коня, на чем для будто от скуки повеселитца в езде. И то оныя со всею збруею управиша. И по утру эсаул от моря прибежал, возвестил, чтоб в добычу отправлены были, которых и отправил в промысел.

О ухаждени ево, матроса, от разбойников и з собою уведшем прекрасной кравелны Ираклии и о пребывании в Цесарии

Как тех разбойников в добычу отправил, то ни единого часу не мешкав, сыскавши у них некоторые роспуски, на которых ездят в лес по дрова, то он те роспуски || собрав и лошадь впряг, и которые сумы л. 12 лучия вещи наклады побрал. Потом прииде к омшанику, в котором кравелна сидяше, оттомкнул и вшел к ней и рече: „Любезная, моя прекрасная королевна, изволь выходить из своей сей проклятой темницы и убежим от сих проклятых убийц“. Тогда она от радости вскочивши и збралавшись села на те роспуски. И ни часа медля, побежаше к пристанищу, где пристанище рыболовский. И как прибегоша к пристанищу, а рыболовы уже у пристанища, и сложиша в судно сумы з багажом. Потом побежаше морем. И в те поры разбойники приехали з добычи и атамана своего не обрете в доме и пришли к омшанику и видя, что и содержащейся королевны нет, то в погоню вси в разные места разбегошася искати. И к тому месту прибегли, где он с рыболовами уплыл, такмо одни стояще роспуски, на которых он приехал. И видно им с берегу по морю их плывущих. Тогда сыскаша свое судно и начаша по морю гнати. И как блиско к тем рыболовам прибегоша, что уже можно и глас их слышать, то оныя разбойники || начаша громким гласом кричати з грозами, что возвратить. И оныя рыбо- л. 12 об. ловы, услышав глас их, також что быстро на гребках за ними гонящих, от чего убояхуся и возвращения чуть не учинили. Тогда российской матрос Василей останного рыболова, который на корми сидяше, взял и вверг в море, а сам сел на корму и начал грести. И потом восташе